Марина Ветрова ✦ Виктория Шнайдер

Измена мужа.

Ты продал мои тайны, а шейх подарил мне новую жизнь!

Виктория Шнайдер

Измена мужа. Ты продал мои тайны, а шейх подарил мне новую жизнь!

«Автор»
2026

Шнайдер В.

Измена мужа. Ты продал мои тайны, а шейх подарил мне новую жизнь! / В. Шнайдер — «Автор», 2026

Муж продал мою самую постыдную тайну журналистам. Пока весь мир обсуждал моё прошлое, он превращал мой позор в миллионы для своего бизнеса.Я лишилась работы, репутации и права остаться в стране. Казалось, меня уничтожили окончательно.Но влиятельный шейх Халид предложил неожиданную сделку: защиту в обмен на молчание и помощь в его войне с предателем.Я согласилась, не подозревая, что у моего спасителя тоже есть секреты.Теперь мне предстоит решить, кому верить, когда даже любовь может оказаться частью чужого расчёта.Смогу ли я вернуть своё имя, наказать мужа и выбрать мужчину, который не побоится поставить меня выше власти и огромных денег?

© Шнайдер В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пожар в чужом раю 5
Глава 2. Улыбка в камеру 7
Глава 3. Отстранена 9
Глава 4. Черновик в облаке 12
Глава 5. Кто-то ставил чай с кардамоном 14
Глава 6. Подпись 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Марина Ветрова, Виктория Шнайдер Измена мужа. Ты продал мои тайны, а шейх подарил мне новую жизнь!

Глава 1. Пожар в чужом раю

Стекло банкетного зала на сорок третьем этаже дрожало от музыки, и в этом стекле отражалась я — в платье цвета полуночи, с бокалом гранатового сока, который держала так крепко, что побелели костяшки. Я стояла в толпе людей в белых кандурах и чёрных абайях и улыбалась той самой улыбкой, которую тренируют годы работы в пиаре: губы растянуты, глаза живые, а внутри — тишина.

Холдинг «Марджан» представлял новый медиапортфель. Я готовила этот вечер четыре месяца. Четыре месяца бессонных ночей, четырнадцатичасовых созвонов, макетов, которые переделывали по девять раз. И теперь я стояла у стены и смотрела, как мой муж Гоша — в костюме, который я ему подобрала, с причёской, которую ему уложил парикмахер, которого я вызвала, — пожал руку человеку, которого боялась половина Залива.

Халид аль-Наими.

Правитель эмирата, владелец холдинга, человек, о котором в наших кругах говорили шёпотом. Не потому, что он делал что-то плохое. А потому, что он не делал ничего зря. Каждое его движение было просчитано на три шага вперёд, как партия в шахматы, которую он ведёт с миром — и всегда выигрывает.

Он был выше меня на две головы, в белом кандуре без единой складки, с чёрным агалом на голове. Лицо — резкое, скуластое, с взглядом, от которого люди почему-то начинали говорить быстрее и откровеннее. Я смотрела на него через зал и думала: вот с кем надо работать. Вот с кем наш холдинг пойдёт дальше.

А потом ко мне подошёл Гоша и поцеловал меня в висок.

— Готова, детка? Скоро объявят. Мы с шейхом подписываем рамочный контракт — это же история, представляешь? Мой стартап, его капитал, всё честно.

Он пах дорогим одеколоном и жвачкой — он всегда жевал, когда нервничал. Я положила ладонь ему на грудь, поправила галстук, как делала тысячу раз.

— Ты забыл сказать спасибо Рите на сцене, — напомнила я. — Медиаплан мой. Пресса подготовлена. Если завтра в деловых колонках будет хоть слово про твою молодость и неопытность, я не виновата.

— Моя девочка, — он щёлкнул меня по носу. — Я скажу. Обязательно скажу.

Он не сказал.

Но это было потом. Сначала был сам вечер — фуршет, канапе, свет, смех. Я работала зал, как училась: подходила к нужным людям в нужную секунду, говорила ровно столько, чтобы человека считали умным, и уходила, оставляя желание продолжить разговор. Дядя Халида — старейшина Зайд — похвалил подачу десертов, и я поняла, что вечер удался: если старейшина доволен едой, значит, дворец доволен всем.

В половине двенадцатого мы с Гошей вернулись в отель. Он рухнул на кровать, не снимая ботинок, и захрапел через минуту. Я стояла у окна сорок восьмого этажа и смотрела на огни Дубая — на башни, светящиеся, как ёлочные игрушки, на тёмную полосу моря. Я была счастлива. По-настоящему, глупо, всем телом счастлива: муж на взлёте, моя карьера — в верхней точке, утром ему предстояло подписать контракт, впереди — новые горизонты.

Телефон завибрировал в четыре утра.

Сначала одно сообщение. Потом три. Потом — лавина. Телефон в моих руках дрожал, как живой, и я, протирая глаза, подумала, что случилось что-то с презентацией. Что-то с холдингом. Может, сгорел склад. Может, упал самолёт.

Я открыла первое же уведомление и перестала дышать.

«ЕЁ ТАЙНА: ПОЧЕМУ ЖЕНА ЗВЕЗДЫ СТАРТАПОВ НОЧЬЮ ПЛАКАЛА В ОТЕЛЕ...»

Заголовок висел на экране таблоида, который я сама — о, ирония — учила своих сотрудников считать «жёлтой сливой, которую мы не замечаем». Но этот таблоид заметил меня. Вся страна заметит к утру.

Я пролистнула. Пальцы скользили по стеклу, и каждое движение стоило мне куска жизни.

Моя история. Моя — девятилетней давности, из студенческих времён, из той жизни, где я была другой, глупой, отчаянной, влюблённой в неправильного парня. История, которую я рассказывала только одному человеку в мире. Тому, кто спал рядом со мной, сопя в подушку.

Там были фотографии. Старые, телефонные, из чужого архива: я в двадцать один, растрёпанная, с сигаретой, смеющаяся в чью-то камеру. Там были цитаты — «из первых уст», — дословные, слово в слово, до последней моей фразы, которую я произносила только ночью, только в темноте, только ему на ухо.

— Нет, — сказала я вслух.

Гоша зашевелился, повернулся.

— Чего шумишь?

Я молчала. Я не могла говорить. В горле стоял комок размером с кулак.

— Гоша, — сказала я наконец. И голос мой прозвучал чужим, тонким, как бумага. — Прочитай это.

Он сел. Потёр лицо. Нахмурился. Полистал.

И я смотрела на его лицо. На его лицо, на котором не было шока. Ни секунды шока. Там было что-то другое — быстрое, мелькнувшее, похожее на расчёт, — и тут же спрятанное под маской возмущения.

— Какая мерзость, — сказал он. — Кто это мог слить? Твоя бывшая коллега? Та, которую ты уволила?

Я не отвечала. Я смотрела на него, и внутри у меня медленно, холодно поднималась вода.

— Детка, я всё улажу, — он обнял меня, и его руки были тёплыми, и от этих рук меня замутило. — Это просто пресса. Побушует неделю — и все забудут.

— Откуда они знают мои слова? — спросила я тихо. — Гоша. Мои слова. Которые я говорила только тебе.

Он замер. На полсекунды. Потом рассмеялся — громко, легко, убедительно.

— Ты же не думаешь... — он посмотрел на меня с притворной обидой. — Я твой муж. Я бы никому...

Он не договорил. В дверь отеля начали звонить. Потом стучать. Потом — в коридоре затолкались, зашумели голоса, кто-то выкрикнул моё имя.

Мы с Гошей переглянулись. Он первый встал и пошёл открывать, и я успела увидеть, как он на ходу поправляет пиджак и одёргивает рукава. Собирается. Улыбается в зеркале прихожей — коротко, проверочно, как перед камерой.

За дверью стояли люди с телефонами и камерами. И утром весь мир узнает, что жена восходящей звезды стартапов — героиня сексуального скандала.

А я стояла посреди номера и держала в руке телефон, на котором всё ещё светился заголовок. И впервые за десять лет брака я задала себе вопрос, от которого у меня похолодели пальцы:

А на чём Гоша взял деньги для этого раунда? На чём именно?

Глава 2. Улыбка в камеру

Меня вытащили в коридор, как на завтрак выталкивают молоко из пакета. Вспышки. Микрофоны. Чей-то диктофон, сунутый мне под подбородок.

— Рита, это правда?

— Рита, кто тот мужчина на фото?

— Рита, ваш муж знал?

Гоша вышел из номера на секунду позже — в идеальной рубашке, с идеальным лицом. Он встал передо мной, раскинув руки, как крылья, и загородил меня от камер телом. Голос его гремел:

— Это личная жизнь! Моя жена не давала никаких интервью! Это хакерство, это криминал, и мы будем судиться! А теперь, пожалуйста, не подходите к моей семье!

Он обнял меня за плечи и повернул к дверям лифта. И я, прижатая к его груди, чувствовала, как под ладонью у него бьётся сердце — ровно. Спокойно. Как у человека, который спит прекрасно.

В лифте мы молчали. Я смотрела на своё отражение в полированной стенке: размазанная тушь, волосы, которые утром укладывали двадцать минут. Женщина, которую я не узнавала.

— Куда мы едем? — спросила я.

— В зал. Подписание же, — Гоша поправил манжету. — Нас же ждут. Мы не можем не прийти — это же имидж, это история, надо показать, что мы сильные, что вместе...

— Хочешь сказать — надо выйти в свет на следующий день после того, как меня раздели в прессе?

— Рита, — он взял меня за руки, и глаза его стали тёплыми, бархатными, любимыми. — Послушай меня. Эта история — мусор. Через неделю все забудут. Но если мы сейчас спрячемся, если мы дадим им победить — они нас сожрут. А мы сильные. Мы команда, да? Ты и я.

Мы команда. Ты и я.

Четыре года назад он сказал мне это на крыше дома, в котором мы снимали первую квартиру. Мы команда. Я тогда плакала от счастья.

Теперь я смотрела на него и думала: а если команда продала капитана, это уже команда?

Но я кивнула. Потому что я была директором по связям с общественностью, а такие директора не рыдают на камеру. Они работают.

Зал на сорок третьем этаже был преображён. Вчера здесь был фуршет, сегодня — церемония: стол под белой скатертью, флаги, вода в хрустальных стаканах, фотографы, журналисты деловой прессы, человек тридцать — от фондов, от инвестиционных домов, от дворца. Я вошла, и по залу прошла волна — та самая волна, которую я знала по работе: люди переглянулись, кто-то наклонился к соседу, кто-то уткнулся в телефон, набирая сообщение.

Они все читали. Все. Каждый к утру прочитал заголовок.

Мне хотелось развернуться и уйти. Хотелось провалиться. Хотелось закричать. Я сделала то, что делала тысячу раз: выпрямилась, подняла подбородок и пошла к своему месту, как будто ничего не произошло. Ногти впились в ладони. Четыре синих полумесяца.

Гоша шёл рядом — сияющий, свежий, лучший. Он жал руки, смеялся, кивал.

Халид аль-Наими сидел в дальнем конце зала, и я впервые за два дня посмотрела на него в упор. Он не притронулся к воде. Он не разговаривал. Он просто смотрел — на Гошу, на зал, на меня. Долго. Так долго, что я первая отвела взгляд.

Взгляд у него был не любопытный. Взгляд был — как у человека, который читает документ и находит в нём опечатку. Мелкую. Но фатальную.

— Итак, — объявил ведущий, — сегодня стартап «Го-Тех» и холдинг «Марджан» подписывают рамочное соглашение о стратегическом партнёрстве. Приглашаю на сцену господина Георгия Смирнова и его величество шейха Халида аль-Наими!

Гоша рванулся вверх так резко, что чуть не опрокинул стул. Он летел на сцену, как на крыльях, и я видела, как у него дрожат руки, когда он брал ручку.

— И его жену, Риту Смирнову, — добавил ведущий, — которая, кстати, руководит связями с общественностью холдинга!

И я поняла, что сейчас произойдёт. Поняла за полсекунды. И не успела ничего сделать.

Гоша обернулся. Через весь зал он протянул ко мне руку — широким, красивым жестом, рассчитанным на объективы.

— Идём, детка. Мы одна команда.

Тридцать камер повернулись одновременно. Их объективы поймали меня раньше, чем я успела отвести глаза. Я заставила колени распрямиться и пошла к сцене, считая ступени: одна — не упасть, две — не заплакать, три — улыбнуться. От каблуков по камню шёл сухой стук; каждый шаг отдавался под рёбрами.

Я знала будущую фотографию: жена рядом с мужем наутро после скандала. Она держится. Она с ним. Именно такой кадр ему был нужен.

У стола мы встали втроём: Халид слева, Гоша в центре, я справа. Гоша торопливо взял ручку. Вспышки ударили по глазам, и я на секунду увидела только белое пятно на скатерти. Он уже подписывал, жадно, не читая. Я выровняла плечи и опустила взгляд на документ.

А потом я увидела цифры.

Лист был развёрнут ко мне, потому что я стояла ближе всех, и у меня была привычка — с юности, с первой работы — читать всё, что лежит передо мной, вверх ногами. Сумма раунда. Доли. Условия. Я прочитала — и внутри у меня что-то оборвалось, как канат.

Раунд был не от холдинга. Раунд был от трёх фондов — тех самых, что сидели в зале. И в приложении, в самом низу, был пункт, которого я вчера в презентации не видела: фонд входит в стартап с оценкой, кратной шумихе вокруг имени. Вокруг имени шейха. Вокруг имени, которое дал Гоше этот контракт. Вокруг громкости.

И ещё — строчка, мелкая, примечание для юристов: «Оценка корректируется в зависимости от медиаохвата стартапа в период за 30 дней до закрытия раунда».

Медиаохвата.

Гоша закончил подпись и выпрямился под аплодисменты. Вспышки сыпались, как снег. Он повернулся ко мне с той самой улыбкой — своей лучшей, тёплой, гошиной, — и я вдруг увидела её впервые по-настоящему.

Улыбку человека, который только что продал самое дорогое, что у него было. И получил за это больше, чем рассчитывал.

— Детка, — сказал он тихо, вполоборота, прикрывая рот ладонью. — Не хмурься. Камеры.

Я улыбнулась. Я умею улыбаться.

После церемонии был кофе. Ко мне никто не подходил — ко мне подходили только для того, чтобы посмотреть. Один из фондовых парней, пыхтящий мужчина в очках, задержался рядом на секунду дольше положенного и сказал — тихо, в сторону, не глядя:

— Знаете, госпожа Смирнова, я тридцать лет в этом бизнесе. И всегда смотрю не на презентации, а на то, когда приходит шум. Если шум приходит раньше продукта — это плохой знак. Для кого-то.

Он отошёл. А я осталась стоять с чашкой кофе, которую не могла пить, и думать одну-единственную мысль.

Шум пришёл ровно за тридцать дней до закрытия раунда. День в день.

Прямо по формуле.

Глава 3. Отстранена

В офис холдинга я приехала к девяти утра — потому что я всегда приезжала к девяти, потому что работа была единственным местом, где я понимала, кто я.

На ресепшене стояла Лена, молоденькая, в наушниках. Она подняла голову, увидела меня — и покраснела. Вот так. Сразу. Она уже читала. Она смотрела на меня и видела не Риту Смирнову, руководителя связей с общественностью, которая научила её всему, что она знает. Она видела заголовок.

— Доброе утро, — сказала я ровно.

— Д-доброе. Госпожа Смирнова... вас ждут на седьмом. К господину Ибрагиму.

Ибрагим был директором по персоналу. Директора по персоналу не вызывают руководителей связей с общественностью утром после скандала для поздравлений.

Я поднялась на седьмой этаж. Кабинет Ибрагима пах картоном и кофе из автомата — там всегда пахло так, как будто кто-то только что уносил коробки с личными вещами. Может, поэтому люди и боялись в него заходить.

Он сидел за столом, на его лице была вымученная улыбка человека, которому не нравится его работа.

— Рита. Присаживайтесь. Кофе?

— Нет, спасибо. Давайте сразу.

Он вздохнул.

— Рита, вы понимаете, что холдинг в сложной ситуации. Презентация прошла блестяще, но... этот материал. Пресса звонит сюда каждые десять минут. Партнёры спрашивают. Совет спрашивает. — Он развёл руками. — До урегулирования репутационного вопроса решено отстранить вас от должности. С сохранением... ну, с частичным сохранением оклада.

— Отстранить, — повторила я. Слово прозвучало так буднично, будто речь шла о переносе встречи. — Меня. За то, что против меня написали. За то, что мою личную жизнь украли и продали.

Ибрагим сдвинул к себе папку, но не открыл её. Большой палец раз за разом проходил по картонному углу.

— Рита, я понимаю, как это выглядит.

— А как это должно выглядеть? — Я подалась к столу. — Вы отстраняете человека, которого атаковали, и называете это защитой компании?

Он встретил мой взгляд и тут же опустил глаза.

— Вы же сами учили всех здесь: репутация — это актив. Вы — актив холдинга. Актив с отрицательной динамикой — это пассив. Здесь не я решаю, здесь...

— Кто решает?

— Совет.

— Совет, — повторила я. На языке осталось сухое, горькое послевкусие; я не стала тянуться к предложенному кофе. — А три кампании, которые я веду? Встречи завтра, запуск в четверг, команда из двенадцати человек. Они не виноваты в том, что кто-то украл мою историю.

— Вашу команду временно передадут Рашиду.

Имя он произнёс осторожно, будто проверял, не разобьётся ли оно о стол. Я выпрямилась.

— Тогда запишите: я передаю ему проекты в рабочем состоянии. Не потому, что согласна с вашим решением, а потому, что команда не должна отвечать за него. И пришлите мне список того, к чему вы закрываете доступ. Сегодня.

Ибрагим впервые поднял глаза. На мгновение в них мелькнуло облегчение — ему оставили хоть одну задачу, которую можно было выполнить честно.

— Пришлю.

— Хорошо. Тогда мы закончили.

Рашиду. Рашид, который хотел моё место последние два года. Рашид, который на каждом совещании говорил «я бы сделал по-другому».

— Спасибо, Ибрагим, — сказала я и встала. — Вы очень профессионально это сказали.

— Рита... — он помялся. — Слышал, ваш муж вчера подписал контракт. Поздравляю. Сильный раунд.

Я вышла, не ответив.

По дороге к своему кабинету — теперь уже бывшему — я слышала, как в открытых дверях глохнут разговоры. Как кто-то быстро сворачивает окно на мониторе. Как в переговорке за моей спиной кто-то тихо сказал: «...а я говорю, это её муж и слил, сто процентов...»

Мой пропуск приложила к турникету и пискнула красным. Охранник — Азиз, который четыре года здоровался со мной по имени и знал, что я не люблю кофе с корицей — посмотрел на турникет, на меня, и развёл руками.

— Простите, госпожа Рита. Система...

— Всё в порядке, Азиз. Проведи меня, пожалуйста.

Он провёл. До такси. Как провожают человека, которого больше нет. Я села на заднее сиденье, и двери закрылись, и я посмотрела на здание холдинга, где я отработала шесть лет, — стеклянная башня, в которой я была чьим-то активом с отрицательной динамикой.

Телефон зазвонил. Гоша.

— Детка, ты где? Мне тут Рашид пишет, что тебя отстранили? Это возмутительно! Они не имеют права! Мы подадим в суд, я не позволю с тобой так обращаться!

Его голос был возмущённым. Правильно возмущённым. Как у человека, который хорошо отрепетировал возмущение.

— А ты где? — спросила я.

— В аэропорту, — он понизил голос. — Срочные переговоры. Фонд из Сингапура сам прилетел, представляешь? Не могу не поехать, это же судьба, детка. Это наши деньги.

— Когда вернёшься?

— Недели через две. Может, три. Слушай, ты только не сиди дома, ладно? Найди себе что-нибудь, займись йогой. Ты сильная, ты справишься. Я в тебя верю.

Он положил трубку первым. Он всегда клал первым — с самого первого свидания, какая-то его детская фобия, что его бросят гудки.

Я сидела в такси в центре Дубая и смотрела в окно, на башни, на пальмы, на жизнь, которая шла дальше, как будто у меня всё было нормально. Домой. В квартиру, про которую я вдруг подумала впервые за два дня — и внутри у меня похолодело.

Квартира была корпоративная. По договору с холдингом. В комплекте с работой.

Такси остановилось у дома. У консьержа — Ахмеда, который восемь лет знал меня в лицо — дрожали руки, когда он протягивал мне конверт.

— Госпожа Рита... мне очень жаль. Правда, очень жаль. Это не от меня.

В конверте было официальное уведомление. Холдинг расторгает договор аренды в связи с прекращением трудовых отношений. Освободить помещение в течение семидесяти двух часов.

Я стояла в холле родного дома, в котором прожила восемь лет, с бумажкой в руке. Мимо прошла соседка с собачкой — посмотрела, узнала, отвернулась.

Семьдесят два часа. Чемодан в коридоре.

Я поднялась на свой этаж. Дверь открывалась моим ключом — маленькая радость, что хоть это ещё работает. Внутри пахло домом, и от этого было ещё хуже.

Я стояла посреди гостиной, в которой отпраздновала три новоселья, два повышения и один юбилей, и думала: а если всё, что у меня было, висело на одной верёвочке — работе? Если я была настолько глупа, что не оставила себе ничего своего?

Телефон завибрировал. Сообщение от неизвестного номера, без подписи:

«Ваша история и история вашего мужа — не одно и то же. Не путайте. Не спешите. За вами наблюдают, и не все наблюдатели враги».

Я перечитала трижды. Набрала номер — «абонент недоступен». Я стояла посреди пустой квартиры с телефоном в руке и впервые почувствовала настоящий, животный страх.

Кто-то знает. Кто-то наблюдает. И кто-то не враг.

Но тогда — кто?

Глава 4. Черновик в облаке

Ночь я не спала. Утром — собирала чемодан. К обеду у меня было собрано два чемодана и одна сумка — восемь лет жизни, вмещающиеся в сто двадцать литров. Я сидела на полу посреди пустой спальни, пила холодный чай из кружки, которую было жалко упаковывать, и думала, куда я вообще поеду.

Гостиницу? В Дубае гостиницы стоят как моя бывшая зарплата за месяц. К подругам? Подруги в этом городе все — из холдинга, и после сегодняшнего утра они все «очень заняты». Домой, в Россию? Билет — и я не смотрела — стоил как половина моих оставшихся сбережений. А сбережения были заморожены на совместном счёте с Гошей, который он, конечно, контролировал.

Я открыла ноутбук. Пришла мысль, простая и ледяная, как вода в марте:

«Продано — 40% раунда».

Откуда я это взяла? Из ниоткуда. Просто цифра всплыла — может, от того сообщения с неизвестного номера, может, от самой структуры скандала. Моя личная жизнь стала чьим-то доходом. И я хотела знать, чьим.

Телефон. Мой телефон странно себя вёл со вчерашнего дня: быстрее разряжался, теплее грелся, иногда сам просыпался, хотя я его не трогала. Я это замечала — руководители по связям с общественностью замечают такое, — но не придала значения. Теперь придала.

Взломан. Стопроцентно взломан.

Хорошо. Если они смотрят мой телефон — посмотрим, что можно посмотреть в ответ. Я вспомнила: два года назад Гоша попросил настроить ему резервное копирование в облако и, как всегда, поленился делать это сам. Я настроила. На моём ноутбуке. С моим паролем — он тогда сказал: «Нечего запоминать, используй свой».

Я открыла его облако.

Пароль подошёл.

Синхронизация была включена: его телефон, его переписки, его фотографии, его папки — всё стекалось сюда, как в чёрную дыру. Я не собиралась в него лазить. Клянусь, я не собиралась. Я хотела просто проверить, не лежит ли там что-то про мой взломанный телефон — какая-то программа, какой-то доступ.

Но в корне диска, в папке с невинным названием «Рабочее_новое», лежал документ. Открывается за секунду. Читается за две.

Это был черновик. Той самой статьи. Той самой, что вышла про меня два дня назад. Не финальная версия — черновик, с правками, с комментариями на полях. В шапке — имя автора: Светлана Лева́нова. Я знала её: светская журналистка, острая, наглая, с языком, который работает как скальпель. Я дважды отказывала ей в интервью для холдинга — она писала «слишком много чужой боли и слишком мало фактов».

Я читала. Строка за строкой. Это была моя история — до последней запятой, до последней моей ночной фразы, которую я говорила только одному человеку в мире. Внизу, в комментариях, шла переписка.

«Света, а муж в курсе, что ты это публикуешь?» — кто-то с редакционной почты.

«Милый, — ответила она, — муж в курсе больше, чем ты».

И ещё. Отдельная строка, последняя, красным. Пометка:

«Продано — 40% раунда. Согласовано. Не публиковать до утра 14-го».

Дата публикации в черновике — 14-е. Дата подписания контракта Гоши с холдингом и закрытия раунда — 15-е. Оценка по договору — привязана к медиаохвату за 30 дней.

Сорок процентов раунда. За мою историю.

Я сидела на полу пустой квартиры и смотрела в экран, и руки у меня не дрожали. Внутри было очень тихо и очень холодно, как в комнате, где выключили отопление. Всё сходилось. Всё, каждая мелочь: и его идеальное спокойствие в ту ночь, и его готовность выйти на сцену на следующий день, и «медиаохват», и «мы одна команда», и «я всё улажу, детка».

Он продал меня. Мой муж. За сорок процентов чужого раунда.

Я медленно закрыла ноутбук. Села. Посмотрела на свои руки — обычные женские руки с коротко подстриженными ногтями, руки, которые десять лет готовили ему завтраки и гладили его рубашки.

Зазвонил телефон. Не тот, взломанный. Городской, домашний, стационарный — старый аппарат, который мы держали на всякий случай, он звонил может раз в год и всегда пугал.

Я сняла трубку.

— Да?

— Госпожа Смирнова? — голос был незнакомый, мужской, спокойный, с лёгким акцентом. — Меня зовут Тауфик, я говорю по поручению людей, которые наблюдают за вами. У меня две новости. Плохая и важная.

— Слушаю.

— Плохая: сегодня утром по запросу миграционной службы аннулирована ваша виза. Формулировка — «в связи с утратой основания для пребывания». Основанием была ваша должность в холдинге.

Я закрыла глаза. Мир вокруг стал очень тонким, как лист бумаги.

— То есть...

— То есть без работы и без действующей визы вы находитесь в стране нелегально. Каждый час — это нарушение. У вас примерно до вечера, госпожа Смирнова. Потом начнутся вопросы, которые вам не понравятся.

— А важная новость?

Пауза. В трубке шелестело, как будто человек смотрел в окно на море.

— Важная новость: в девятнадцать ноль-ноль за вами заедет машина. Она знает адрес. Оденьтесь прилично. Вас приглашает его высочество шейх Халид аль-Наими.

Он положил трубку. Я сидела с трубкой в руке — пустой, гудящей — и смотрела на два своих чемодана в коридоре.

Вечером за мной приедет самый опасный человек этого Залива. У меня нет визы, нет работы, нет дома и нет мужа — точнее, муж есть, но он продал меня за сорок процентов. У меня есть черновик статьи в облаке и два чемодана одежды.

Я встала. Пошла в душ. Постояла под водой, пока не согрелась. Вытерлась, выбрала самое строгое платье — серое, без декольте, деловое до боли. Накрасилась так, как красят на переговоры: ровно, спокойно, без намёка.

В девятнадцать ноль-ноль внизу, у подъезда, остановился чёрный автомобиль, длинный, как плохая новость.

Я взяла сумочку, закрыла дверь пустой квартиры и поехала во дворец.

Глава 5. Кто-то ставил чай с кардамоном

Дворец не был похож на дворец из кино. Он был похож на крепость, которую очень богато отреставрировали: тёмный камень, арки, тишина — звенящая, как в музее после закрытия. Пахло жасмином, сандалом и воском. Мои каблуки стучали по мрамору так громко, что я почувствовала себя неловко, как будто ходила в ботинках по оперному залу.

Меня встретил мужчина в белой кандуре — не Халид, кто-то из приближённых, лет пятидесяти, с лицом библиотекаря.

— Госпожа Смирнова. Его высочество ждёт вас. Следуйте за мной, пожалуйста.

Мы шли по коридорам, мимо арок, мимо фонтана, дремлющего во внутреннем дворе, и я считала повороты, как учили когда-то на тренингах по безопасности: вправо, вправо, влево, лифт. Лифт, кстати, был. В дворце. Позолоченный.

Кабинет Халида оказался на верхнем этаже — панорамное остекление, за ним темнело море, и на горизонте горели огни танкеров. Сам кабинет был разочаровывающе прост: тёмное дерево, книги, никаких экранов. Только огромный стол и два кресла напротив.

Он стоял у окна, спиной ко мне. Услышал шаги — обернулся.

Впрочем, «услышал» — неточное слово. Я готова поспорить, что он знал о моём прибытии, о моём платье и о моём пульсе за минуту до того, как я вошла.

— Госпожа Смирнова, — сказал он. Голос низкий, спокойный, без единой лишней интонации. — Присаживайтесь.

Я села. Он остался стоять. Во дворцах, видимо, так принято: хозяин стоит, гость сидит, и гость быстрее устаёт.

— Я не буду вас мучить долгими речами, — сказал он. — Вы человек прямой, я ценю прямых людей. Ситуация такова: ваша история сейчас — главный скандал страны. Через месяц она станет историей недели. Через полгода — заметкой на последней полосе. Но этот месяц вас сожрёт. Вы это понимаете?

— Понимаю.

— Холдинг отстранил вас. Ваша виза аннулирована. Ваш муж уехал «на переговоры». Ваши счета — под его контролем. У вас нет ни статуса, ни крыши, ни права находиться здесь дольше, чем до заката. — Он перечислял это без злорадства, как бухгалтер зачитывает дефектную ведомость. — Я всё суммирую верно?

— Вы, кажется, хорошо подготовились, — сказала я. — Ваша осведомлённость льстит мне.

Уголок его рта дрогнул. Почти улыбка.

— Я подготовился, потому что мне всё это было известно заранее. Именно поэтому вы здесь. — Он подошёл к столу, выдвинул ящик и положил передо мной папку. — Холдинг «Марджан» — мой. Вы руководили связями с общественностью, хотя этого не знали: решения принимались здесь. Ваша экспертиза — лучшая, что у меня была за десять лет. Вы умеете тушить чужие пожары. Сейчас горит ваш собственный дом. Я предлагаю вам контракт на молчание.

— Контракт на молчание, — повторила я.

— Вы не разговариваете с прессой. Ни одного слова, ни одного интервью, ни одного поста, ни одной слезы на камеру. Вы работаете на меня. Я закрываю вашу историю, закрываю ваш визовый вопрос, закрываю вашего мужа. В обмен — ваша тишина и ваша работа. Условия в папке.

Я открыла папку. Двенадцать страниц, плотный шрифт, юридический язык. Я пробежала глазами — привычка, я читала такие тексты тысячу раз, только обычно с другой стороны стола.

— Здесь пункт про доступ к моей почте, — сказала я.

— Да.

— И про «сопровождение службой безопасности во всех перемещениях».

— Да.

— И про «неразглашение содержания настоящего контракта под угрозой расторжения всех обязательств».

— Да.

— Это не контракт, — сказала я, поднимая глаза. — Это клетка с золотыми прутьями. Вы покупаете не мою работу. Вы покупаете меня целиком: мои письма, мои перемещения, моё молчание, мою биографию. У вас даже пункт про «не покидать пределы эмирата без уведомления».

— Есть, — согласился он. — Потому что за пределами эмирата я не могу вас защищать. А защита нужна будет. Поверьте мне больше, чем вы верите себе сейчас.

— А что если я откажусь?

Он посмотрел на меня долгим взглядом. В этом взгляде не было угрозы — и это было хуже любой угрозы. Там было знание. Полное, спокойное знание о том, что произойдёт дальше, во всех вариантах.

— Если откажетесь — я не буду вас задерживать. Машину подадим. В аэропорт тоже подадим, если захотите улететь. Но в аэропорту вас уже ждут вопросы миграционной службы, а в Москве вас ждёт пресса, которая получила ваш домашний адрес. Ваш муж закроет раунд и станет человеком года. А у вас останется черновик статьи в облаке, который никто, кроме вас, не увидит.

Я закрыла папку, но не отодвинула её. Картон зацепился за край чашки; я придержала её, чтобы не расплескать чай, и только тогда заметила, как дрожат пальцы.

— Вы перечисляете мои варианты так, будто уже выбрали за меня, — сказала я. — Уехать с вопросами, остаться без дома или подписать вашу клетку. А если я найду четвёртый?

— Найдите, — ответил он. Ни вызова, ни улыбки. — Я не запрещаю вам искать.

— Но вы уже знаете, что я подпишу.

Он задержал взгляд на папке.

— Я надеюсь, что вы подпишете. Это не одно и то же.

Я ждала продолжения — обещания, нажима, хоть одной красивой фразы о спасении. Он молчал. За окном на воду легла полоса света от танкера, а чай остывал между нами. И впервые за вечер я увидела не дверь, которую он запер, а человека, который оставил ключ на столе, уверенный, что решение всё равно будет моим.

Я замерла.

— Откуда вы знаете про облако?

Он не ответил. Он подошёл к двери, открыл её и что-то тихо сказал за ней. Через минуту в кабинет вошёл слуга с подносом.

И тут я перестала дышать.

На подносе был чайник, чашка и маленькая тарелка с финиками. Но дело было не в этом. Дело было в запахе — тёплый, пряный, знакомый до боли запах, который пошёл по кабинету, как воспоминание: чёрный чай с кардамоном. Не с бергамотом, не с жасмином, не с мятой — всё это ему предлагали бы по умолчанию, стандартный «восточный» набор для гостьи с Востока.

Кардамон. Три растолчённых зёрнышка на чайник, не больше, настаивать ровно семь минут, пить без сахара. Так пила моя бабушка. Так я пью, когда мне плохо, с двадцати лет. Об этом не знал никто — ни Гоша, ни мои подруги, ни, тем более, холдинг. Я никогда нигде об этом не писала, не говорила, не заказывала. Я покупала кардамон на старом рынке, где меня никто не знал, и молола в ступке дома.

А передо мной на столе стоял чай. Мой чай. Мой плохой-день-чай. Тот самый, который я пила в ночь, когда умерла бабушка. Тот, который заваривала в первую свою ночь в Дубае, когда боялась всего на свете.

Я медленно подняла глаза на Халида. Он стоял у окна, спиной ко мне, и смотрел на море. И я не смогла бы поклясться, но мне показалось — на секунду, на долю секунды — что плечи у него напряглись. Как будто он ждал моей реакции и боялся её.

— Почему кардамон? — спросила я тихо.

— Пейте, — сказал он, не оборачиваясь. — Пока горячий. Решение можете не принимать сегодня. Но автомобиль подадут утром — в восемь. Если решите подписать, в папке есть ручка. Если нет — не приезжайте.

Он не объяснил про кардамон. Он не собирался объяснять про кардамон.

Я сидела в кабинете самого опасного человека Залива, пила чай, который мог знать только один человек на свете, и смотрела на двенадцать страниц клетки с золотыми прутьями.

И самая страшная мысль вечера была не про контракт.

Самая страшная мысль была про то, что если Халид знал про кардамон... он знал про меня гораздо больше, чем я когда-либо готова была себе представить.

Глава 6. Подпись

Ночь я провела в отеле — Халид, без единого слова, прислал машину, и водитель отвёз меня в номер, оплаченный на трое суток, из тех, в которые я никогда в жизни не заезжала бы сама: вид на море, халат тяжелее моего зимнего пальто. Я не знала, считать ли это заботой или удавкой. Решила пока считать и тем и другим.

Утром я сидела над контрактом четыре часа. С кофе, с блокнотом, с юристом по видеосвязи — днём, за деньги, из тех сбережений, что оставались на карте, привязанной лично ко мне, а не к «нашему счёту». Юрист — сухая женщина лет шестидесяти, москвичка, эмигрантка со стажем — листала страницы и цокала языком.

— Госпожа Смирнова, я работаю тридцать лет. Такие контракты я видела дважды. Оба раза — у людей, которые исчезли из публичного поля. Не в плохом смысле — просто исчезли. Стало тихо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.